

Юлия Беринг

Пленница
Жестокого
Скрипача.

Ты превратил мою боль в свою музыку!

Юлия Беринг

**Пленница жестокого
скрипача. Ты превратил
мою боль в свою музыку!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Пленница жестокого скрипача. Ты превратил мою боль в свою музыку! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

Мне нужен грант на операцию мамы. Ради него я готова играть на скрипке день и ночь. Но Марк Волков, жестокий наследник музыкальной империи, потребовал невозможного. — Станешь моей послушной музой, Алина. Будешь играть, пока я не разрешу остановиться! Я терпела унижения, репетировала в холодном подвале, стирала пальцы в кровь. А потом меня обвинили в краже бесценной скрипки Страдивари! Все отвернулись. Даже Марк. Но он знал, кто подставил меня! И намеренно молчал! Оказывается, я была лишь приманкой в его жестокой игре против ректора. Теперь впереди решающий конкурс. Я заставлю всех слышать мою музыку. И наследник узнает, каково это — потерять контроль над собственной игрушкой!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юлия Беринг

Пленница жестокого скрипача. Ты превратил мою боль в свою музыку!

Глава 1

Воздух в коридоре общежития пах полиролью, старой бумагой и чьим-то дорогим парфюмом. Я сжимала ручку чемодана так, что костяшки побелели. Внутри меня билась одна-единственная мысль: «не дай им понять, как тебе страшно». Мама ждала денег на операцию. Стипендия была больше, чем бумажка: это был кислород. А я только что узнала, что мне выделили место под лестницей.

— Ключи от комнаты 304 уже выданы студентке Строговой по рекомендации ректора, — администраторша даже не подняла глаз от монитора. Её голос был ровным, как скальпель хирурга, который режет лишнее без сожаления. — Правила для бюджетников четкие: если есть свободные места, они резервируются за льготными категориями. У вас нет льгот, кроме таланта. А талант... он тут у нас всех в избытке.

Я проглотила комок в горле. Спорить было бессмысленно. Здесь, в Академии искусств «Святого Себастьяна», деньги были важнее нот, а связи громче смычка. Я молча забрала ключ от кладовки, где пахло плесенью и чужими секретами. Моя стратегия выживания строилась на терпении. Я научусь быть невидимой. Я стану частью стены. Но я не уйду. Ни за что.

Через час я стояла в холле перед большим залом, пытаюсь прийти в себя после переезда в свою «нору». Вокруг текли люди из другого мира: девочки в шелковых халатах, мальчики с идеальными прическами и взглядами хищников. И вдруг — удар.

Мой локоть случайно зацепил футляр скрипки, который нёс высокий парень в черном пальто. Звук удара о футляр прозвучал оглушительно в тишине коридора.

Он остановился. Не крикнул. Не толкнул. Просто посмотрел на меня сверху вниз. Его глаза были серыми, как зимнее небо над Петербургом, и абсолютно пустыми.

— Твоя одежда пахнет дешевым мылом и страхом, — сказал Марк Волков. Золотой мальчик академии. Капитан всех наших кошмаров. Он коснулся футляра своей скрипки, проверяя целостность, и его пальцы дрожали едва заметно. От злости? Или от того, что я посмела вторгнуться в его орбиту? — Ты дышишь слишком тяжело, Ковалёва. Это раздражает. Если ты не хочешь, чтобы я сломал твой инструмент прямо здесь, на этих грязных каменных плитах, то запомни простое правило: не дыши в моей тени.

Он обошел меня, даже не снизив скорость шага. Я осталась стоять, чувствуя, как холодок пробегает по спине. Презрение здесь было только началом. Это была угроза. И она была реальной. В этом месте нельзя было быть просто вежливой. Нужно было быть либо невидимой, либо опасной. Я выбрала второе направление: я должна стать такой сильной, чтобы он сам захотел спрятаться за мою тень.

Учебный зал был огромным и гулким. Свет лился через высокие окна, создавая иллюзию рая для тех, кто мог позволить себе сидеть в первых рядах. Я заняла свое законное место у окна, раскладывая ноты. Пальцы слегка подрагивали; я прижала ладонь к нотам, чтобы листы не шуршали.

— Извини, дорогая, но солнце портит зрение будущим солистам, — раздался сладкий, как мед, голос за спиной. Екатерина Строгова. Дочь ректора. Королева курса. Она стояла над мной, изящная, бледная, с губами, намазанными алой помадой. — Освещение должно падать

на профиль, а не на лицо. Тебе лучше пересесть назад. Там темнее. Там меньше видно твоих ошибок.

Класс замер. Десятки глаз уставились на меня. Смешки, приглушенные и ехидные, поползли по рядам, как тараканы по чистой кухне.

Я медленно собрала свои вещи. Чувство унижения обжигало кожу, но я не позволила себе ни единого дрожащего вдоха. Я пересела на последнюю парту, в тень колонны. Изоляция началась еще до первой ноты. Они решили, что я фон. Декорация для их пьесы. Пусть думают.

Профессор Артемьев вышел к доске. Он был старым, сухим человеком с трясущейся рукой, которая, однако, управлялась со смычком лучше любого виртуоза.

— Импровизированный тест, — объявил он. — Слух и интуиция. Играть фрагмент Паганини. Без подготовки.

Сердце ухнуло вниз. Паганини был моим коньком, но играть его на нервах, под взглядом человека, который ненавидит всё живое, — самоубийство. Я вышла вперед. Скрипка лежала в руках привычно, как продолжение тела. Я закрыла глаза и начала.

Пальцы летали, смычок пел. Это было чисто. Это было точно. Каждый звук ложился в нужную ячейку вселенной. Я чувствовала музыку, как поток энергии, проходящий сквозь мои кости.

На середине фразы профессор поднял руку.

— Стоп, — произнес он сухо. Тишина обрушилась на зал тяжелым куполом. — Техника сырая. Агрессивная. Вы душите ноты, Ковалёва. В этой академии учат петь, а не скрежетать. Уровень вашей игры не соответствует стандарту стипендиатов. Мы ожидаем элегантности, а не уличной драки.

Это была ловушка. Идеальная, продуманная ловушка. Если я начну спорить, доказывать, что играла безупречно, меня выгонят за дерзость. Если я промолчу и соглашусь, я признаю себя второсортной.

Я опустила смычок. Голова шла кругом. Мой талант, мой дар, ради которого я жила впроголодь три года, оказался «сырым» в глазах человека, который слушал меня ровно двадцать секунд. Система работала против меня. Политика решала всё.

— Спасибо, профессор, — сказала я тихо, и каждый слог дался с трудом.

Когда я вернулась на свое место, вокруг уже собрались студенты. Это был ритуал травли, древний и изощренный.

— Что за скрипка? — спросил один из парней, тыкая пальцем в корпус моего инструмента. На нем были видны царапины, следы ремонта, клейкая лента. — Это же барахолка. Тебе стыдно носить это в зал?

— Может, ей нужно продать её и купить нормальный костюм? — добавила девушка с золотыми серьгами.

Кто-то смахнул мои ноты со стола и наступил на упавший лист. Бумага хрустнула под подошвой дизайнерских туфель. Я смотрела на этот лист, на пятно грязи, и чувствовала, как внутри что-то ломается. Но я не заплакала. Слезы здесь означают капитуляцию. Я молча присела на корточки, собирая листы, чувствуя на себе насмешливые взгляды, которые сверлили кожу. Меня презирали не за ошибки. Меня презирали за то, что я вообще смела сюда войти. За то, что я была бедной. За то, что я была настоящей.

Занятие закончилось. Студенты потекли в столовую, оставляя меня одну в пустеющем зале. Я сидела на последней парте, перебирая мятые ноты, когда дверь открылась.

Екатерина вошла внутрь. Медленно, крадучись, как кошка, загнавшая мышку в угол. В её руках был мой блокнот с записями, который я оставила у окна перед тем, как пересесть.

Она подошла ближе. Запах её духов стал удушливым.

— Знаешь, Алина, — начала она, и её голос был тихим, почти ласковым. — Папа говорит, что искусство должно быть красивым. А то, что ты играешь... это грязный шум. Это оскорбление для ушей тех, кто платит за билет.

Она взяла первую страницу моих заметок. И порвала её. Резко. Громко. Хруст бумаги разрезал тишину зала.

— Это твои мысли? — она усмехнулась, глядя на клочки в своих руках. — Они такие же жалкие, как твоя одежда. Как твоя жизнь.

Она начала рвать остальные страницы. Одна за другой. Медленно, наслаждаясь каждым звуком. Бумажные конфетти полетели в воздух, оседая на полу рядом с моими ногами.

— Твоя игра — это мусор, — прошипела она, склоняясь к моему лицу. Её глаза блестели от предвкушения чужой боли. — И ты — мусор. Уходи. Пока тебя не раздавили окончательно.

Я смотрела на рваные ноты, на её искаженное от торжества лицо, и чувствовала, как земля уходит из-под ног. Мир рушился. Мой труд, моя надежда, моя защита — всё превратилось в клочки бумаги. Унижение стало личным. Целенаправленным актом агрессии. Она хотела сломать меня. Прямо сейчас. Здесь.

И тогда из тени колонны вышел он.

Марк Волков. Он наблюдал за всем этим с самого начала. Его лицо было непроницаемым, но в глазах плясали искры чего-то странного. Не жалости. Не гнева. Интерес.

Екатерина выпрямилась, увидев его. Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой.

— Марк, милый, я просто объясняю новенькой её место.

Марк не ответил ей. Он подошел ко мне. Его тень накрыла меня полностью. Холодный запах кожи и табака заполнил пространство между нами.

— Оставь её, — сказал он Екатерине. Голос был ровным, но в нем звенела сталь. Та самая сталь, которой режут стекло. — Ты мешаешь мне работать.

Екатерина фыркнула, но попятилась. Марк Волков был единственным человеком в академии, которому позволялось нарушать правила. Потому что он был гением. И потому что он был опасен.

Когда дверь за Екатериной закрылась, в зале повисла абсолютная тишина. Марк посмотрел на меня. Сверху вниз. Так же, как в коридоре. Но теперь в его взгляде не было презрения. Было что-то другое. Расчет.

Глава 2

— Ты играешь плохо, — начал он.

Я вскинула голову, готовая к новой порции яда.

— Но ты играешь честно. А честность здесь — редкость. Редкость, которую можно использовать.

Он сделал шаг ближе. Я почувствовала биение своего сердца в висках.

— Есть сделка, Ковалёва. Финальный конкурс через месяц. Грант, которым ты оплатишь операцию матери. Я могу научить тебя играть так, чтобы Екатерина выглядела дилетантом. Чтобы весь зал понял, что её музыка — пустышка, купленная за деньги отца.

Я молчала. Сердце колотилось так, что болели ребра.

— Цена высока, — продолжил Марк, и в его голосе послышалась легкая, едва заметная жестокость. — Ты станешь моей секретной музой. Будешь выполнять любые мои капризы. Терпеть мои унижения. Молчать обо всем, что происходит в этих стенах. Ты будешь принадлежать мне. Не телом. Душой. Твоим временем. Твоей болью.

— Зачем тебе это? — спросила я. Голос дрожал, но я заставила себя смотреть ему в глаза.

Марк усмехнулся. Это была не добрая улыбка. Это был оскал волка, который видит добычу, но хочет поиграть с ней перед смертью.

— Потому что эта система гнилая. И я хочу посмотреть, как она трещит по швам. А ты... ты идеальный инструмент для этого взрыва. Твоя простота — это оружие. Но оно плохо заточено. Я наточу его. До крови.

Он протянул мне руку. Ладонью вверх, будто ждал, что я положу на неё всё своё оставшееся время.

Альтернативы не было. Отказ означал конец. Мать умрет. Я потеряю всё. Согласие означало ад. Но ад, в котором у меня есть шанс победить.

Я посмотрела на его холодные глаза, в которых отражалась моя собственная загнанность. Впервые за год, за долгие месяцы страха и голода, я улыбнулась. Не от радости. От голода. Голода на победу.

— Учи меня, — сказала я.

И он начал смеяться. Тихо, злобно, но искренне. В этом смехе было признание. Мы оба знали: теперь мы связаны. Навсегда.

Воздух в музыкальной библиотеке пах не пылью, а застарелым страхом и дорогим парфюмом тех, кто здесь бывал редко. Я стояла у стойки выдачи, чувствуя себя чужеродным телом, занозой под ногтем администратора. Мне нужна была партитура Паганини — редкая копия XIX века, которую мне обещали как бонус стипендиата. Не ради баловства. Ради того, чтобы доказать им всем, что я не случайная ошибка в их идеальном механизме.

— Недостаточный уровень допуска, Ковалёва, — голос библиотекаря был сухим, как пергамент. Он даже не поднял глаз от монитора. — Ректорат рекомендовал ограничить доступ к фондам для студентов... скажем так, «экспериментальных» групп. Вы же понимаете, о чем речь? После вашего выступления на прослушивании статус изменился.

«После моего унижения». Поправка так и осталась невысказанной. Я смотрела на библиотекаря, а он уже тянулся к следующему формуляру. Они изолировали меня не стенами, а бумагами. Бюрократический шнурок затянулся на горле. Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти вбиваются в ладони. Пройти мимо них. Игнорировать этот холодный отказ. Найти другой путь. Но когда я развернулась, чтобы уйти, коридор преградила фигура в белоснежном пальто.

Екатерина Строгова. Королева курса. Она шла медленно, позволяя своим спутникам-подпевалам окружить её ореолом восхищения. Её взгляд скользнул по мне, не задерживаясь, будто я была пятном на полу.

— Грязь нужно смывать сразу, пока она не въелась, — произнесла она тихо, но так, что слышали все у стойки. — А если её оставить, она станет частью интерьера. Навсегда.

Толпа хихикнула. Смех звенел, как разбитые бокалы. Я попыталась сделать шаг в сторону, сохранить лицо, не дать им увидеть дрожь в моих руках. Но Екатерина остановилась прямо передо мной. В её руках была стопка нот из личного архива ректора, которые мне так хотелось взять.

Она разжала пальцы. Листы полетели вниз, веером, прямо перед моими туфлями. Звук падения бумаги был громче выстрела.

— Подними, — приказала она. Не глядя. Просто указательный палец дернулся вниз.

Я замерла. Гордость кричала внутри, требуя отвернуться, уйти, плюнуть ей в лицо. Но ноги слушались тела, которое уже привыкло к ударам. Я опустилась на колени. Холод кафельного пола пробирался к коленям сквозь тонкую ткань брюк. Все смотрели. Камеры телефонов, направленные на «королеву», случайно или нет, ловили мой позор. Я собирала листы дрожащими руками, каждый раз касаясь пола, становясь всё меньше, всё грязнее. Ритуал подчинения завершен.

Из тени арки, где обычно прятались курильщики, вышел Марк Волков. Он наблюдал за этим спектаклем, прислонившись спиной к колонне. Его лицо было непроницаемой маской скуки. Когда толпа начала расходиться, довольная зрелищем, он подошел ближе.

— Тебе нравится ползать? — спросил он. Голос его был тихим, без насмешки, просто констатация факта.

Я схватила последний лист, сунула его в сумку и резко встала. Колени гудели от холода и стыда.

— Отойди, — процедила я сквозь зубы, отряхивая брюки.

Марк не двинулся. Он посмотрел на мои руки, испачканные пылью, затем перевел взгляд на один из листов, который упал обратно, когда я спешила. Он сделал шаг вперед и наступил на нотный лист подошвой своего дизайнерского ботинка. Раздался хруст. На чёрных нотах остался грязный след подошвы.

— Ты никогда не сможешь играть чисто, Ковалёва, если будешь бояться испачкать руки, — прошептал он, наклоняясь ниже. Его дыхание коснулось моей щеки, горячее и резкое. — Чистота — это иллюзия для тех, кто не готов платить цену за талант.

Он оставил меня стоять над раздавленным листом, разворачиваясь и уходя прочь. Его шаги отдалялись, четкие и уверенные, оставляя после себя вакуум, в котором гулял только мой сбившийся пульс.

Я убежала. Ноги несли меня прочь от библиотечных стен, от этих взглядов, от этого запаха унижения. Дверь учебного класса №4 скрипнула, выпуская меня в темноту. Здесь пахло мелом и старой древесиной. Пустой зал. Идеальное место, чтобы наконец заплакать. Но слезы не шли. Внутри горел огонь, жгучий и беспощадный.

Тишину нарушил скрип двери.

Я вздрогнула, обернувшись. В дверном проеме стоял Лев Данилов. Виолончелист с добрыми глазами и вечными синяками под ними. В руках он держал термос.

— Я видел, — сказал он просто, входя внутрь и запирая за собой дверь. Щелчок замка прозвучал как спасение. — Екатерина... она перегибает. Всегда перегибает.

Лев поставил термос на рояль. Пар пошел от крышки. Чай. Горячий, успокаивающий чай.

— Мой отец финансирует новые инструменты для академии, — начал он, садясь на стул напротив меня. — Если ты хочешь, я могу попросить его... ну, не то чтобы убрать её совсем, но создать тебе безопасное пространство. Отдельную репетиционную базу. Где никто не будет смотреть. Где ты сможешь дышать.

Его слова были мягкими, как пух, но они кололись. Безопасное пространство. Милость. Подачка от изгоя, который тоже прятался в тени, но делал это с достоинством.

Я посмотрела на его руки — длинные, сильные пальцы виолончелиста. Он хотел помочь. По-настоящему. Без условий.

И именно поэтому я должна была сказать «нет».

Если я приму его помощь, я стану мишенью для Марка. Или для Екатерины, которая решит, что я продаюсь кому угодно. А если я останусь одна, моя слабость будет оправдана одиночеством. Но если я позволю Льву защитить меня, я признаю, что не справляюсь сама. Что я слабая.

А слабые здесь умирают первыми.

— Уйди, Лев, — сказала я. Голос дрогнул, но слова вышли твердыми.

Он поднял глаза, удивленный.

— Алина, я просто хочу...

— Я не нуждаюсь в жалости! — крикнула я, вскакивая со стула. Сердце колотилось так сильно, что болели ребра. — И я не буду твоим проектом по спасению брошенных овечек. Мне не нужен твой отец. Мне не нужен твой чай. Мне нужно, чтобы ты исчез.

Лев медленно встал. На его лице не было обиды, только грустное понимание. Он взял термос, повернулся и вышел, оставив дверь приоткрытой. Свет из коридора полоснул по лицу, но я захлопнула её перед собой.

Тишина вернулась. Тяжелая, давящая.

Глава 3

Ночь в классе №4 превратилась в кошмар наяву. Я достала свою скрипку — старый, потертый инструмент, который помнил ещё мою бабушку. Я начала играть. Сначала медленно, проверяя каждый звук, каждое движение смычка. Затем быстрее. Ярость требовала выхода. Музыка лилась потоком, острым и агрессивным. Паганини. Каприсы. Трудности, которые должны были сломать меня, но я ломала их, кусая струны зубами души.

Пальцы горели. Кожа трескалась. Я не чувствовала боли, только драйв. Нужно стать сильнее. Нужно быть неуязвимой.

Звук сорвался. Резкий, дисгармоничный визг. Струна М₁ лопнула, отлетев назад, как плетка. Острая металлическая нить рассекла подушечку моего указательного пальца.

Боль была острой и внезапной. Я отдернула руку, посмотрев на кровь, которая быстро наполняла рану, крася деревянный гриф в багровый цвет.

Красный на коричневом. Как заклинание.

В дверях снова стоял силуэт. Марк.

Он не вошел. Он просто наблюдал, как я зажимаю порезанную руку губами, пытаюсь остановить кровотечение. Во рту был вкус железа и соли. Стыд разливался по венам вместе с кровью. Я выглядела жалко. Раненой зверюшкой, загнанной в угол.

Марк медленно шагнул внутрь. В его руке был платок — белый, шелковый, явно дорогой. Он протянул его мне, не говоря ни слова.

Я взяла его. Ткань была мягкой, почти невесомой. Я прижала её к пальцу, чувствуя, как кровь пропитывает шёлк.

— Ты играешь как человек, который хочет умереть, — сказал Марк. Его голос был спокойным, лишенным той циничной бравады из коридора. — Это красиво. Но бесполезно.

— Оставь меня, — прошептала я, отворачиваясь.

— Екатерина уничтожит тебя к концу недели, Алина. Не физически. Социально. Она выставит тебя шарлатанкой, которая симулирует травму. Или наркоманкой, которая играет в опьянении. Стипендия аннулируется. Твоя мать останется без лечения. Ты вернешься домой, где твоему дару места нет.

Мои плечи напряглись. Он знал. Он всегда знал слишком много.

— Почему ты говоришь мне это? — спросила я, поворачиваясь к нему. Глаза щипало; я моргнула, удерживая слёзы.

Марк обошел рояль, приближаясь ко мне. Он остановился в шаге. Слишком близко. Я чувствовала запах его кожи — сандал и табак.

— Потому что единственный способ выжить в этой системе — стать её частью. Изнутри. А не пытаться пробить стену снаружи головой.

— Я не хочу быть частью вашей игры.

— Тогда ты мертвец. Ходячий труп со скрипкой.

Он замолчал, давая словам осесть. Потом продолжил, тише, жестче:

— Вчера ты сказала «учи меня». Теперь слушай условия до конца.

Я замерла. Инстинкт кричал бежать, но ноги приросли к полу.

— Я буду давать тебе уроки. Тайные. Настоящие. Техника, интерпретация, психология сцены. То, чего не учат в наших стенах, потому что там учат делать вид, а не быть. Я защищу тебя от прямых ударов Строговой. Покажу ей, что трогать тебя — себе дороже.

— А взамен? — спросила я, хотя знала ответ. Горечь поднималась в горле комком.

— Ты станешь моей музой. Секретной. Твоей единственной функцией будет расти. Быть лучше всех. Быть «моим» отражением силы. Ты исполнишь любой мой каприз. Будешь мол-

чать, когда я прикажу. Будешь терпеть мои унижения прилюдно, чтобы никто не заподозрил связь. Будешь скрывать источник своего роста до самого финального конкурса.

— Ты хочешь использовать меня.

— Я хочу использовать твой потенциал. Разница есть.

— Почему я должна соглашаться на всё это?

Марк усмехнулся. Криво, горько.

— Потому что ты мне нужна живой и талантливой, а не мёртвой и посредственной. Ты мой инструмент, Ковалёва. Инструменты не имеют права выбора.

Его слова били точно в цель. Я посмотрела на свой окровавленный палец. Красный цвет на белом шелке Марка. Контраст жизни и смерти. Лицо матери в больничной койке всплыло перед глазами. Бледное, истощенное, улыбающееся мне сквозь маски кислорода. «Все будет хорошо, Алинка», — шептала она тогда.

Страх потери всего, что у меня осталось, оказался сильнее страха перед этим человеком. Перед его холодом. Перед его контролем.

Я медленно выпрямилась. Кровь все ещё сочилась, капая на пол.

— Хорошо, — выдохнула я.

Марк не улыбнулся. Не протянул руку для рукопожатия. Вместо этого он взял мою здоровую руку. Его пальцы были ледяными, но хватка — железной. Он сжал мою кисть так, что кости хрустнули. Боль пронзила предплечье, заставляя меня подавить стон.

Он заглянул мне прямо в глаза. И я увидела то, чего не ожидала.

В его глазах не было торжества победителя. Не было садистского удовольствия кукловода. Там был голод. Отчаянный, звериный голод загнанного в угол животного. Его лицо выглядело изможденным, тени под глазами глубже, чем обычно. Морщинки у уголков рта выдавали напряжение, которое он скрывал за маской цинизма.

Я задержала взгляд на его дрожащем рте. Так не выглядел человек, которому всё досталось легко. Может, контроль был его способом держаться на ногах. Но от этой догадки моя кисть болеть не перестала. Я осторожно высвободила её: на завтра она нужна мне целой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.